

Доверчивый цыган

110 лет со дня рождения хореографа Касьяна Голейзовского

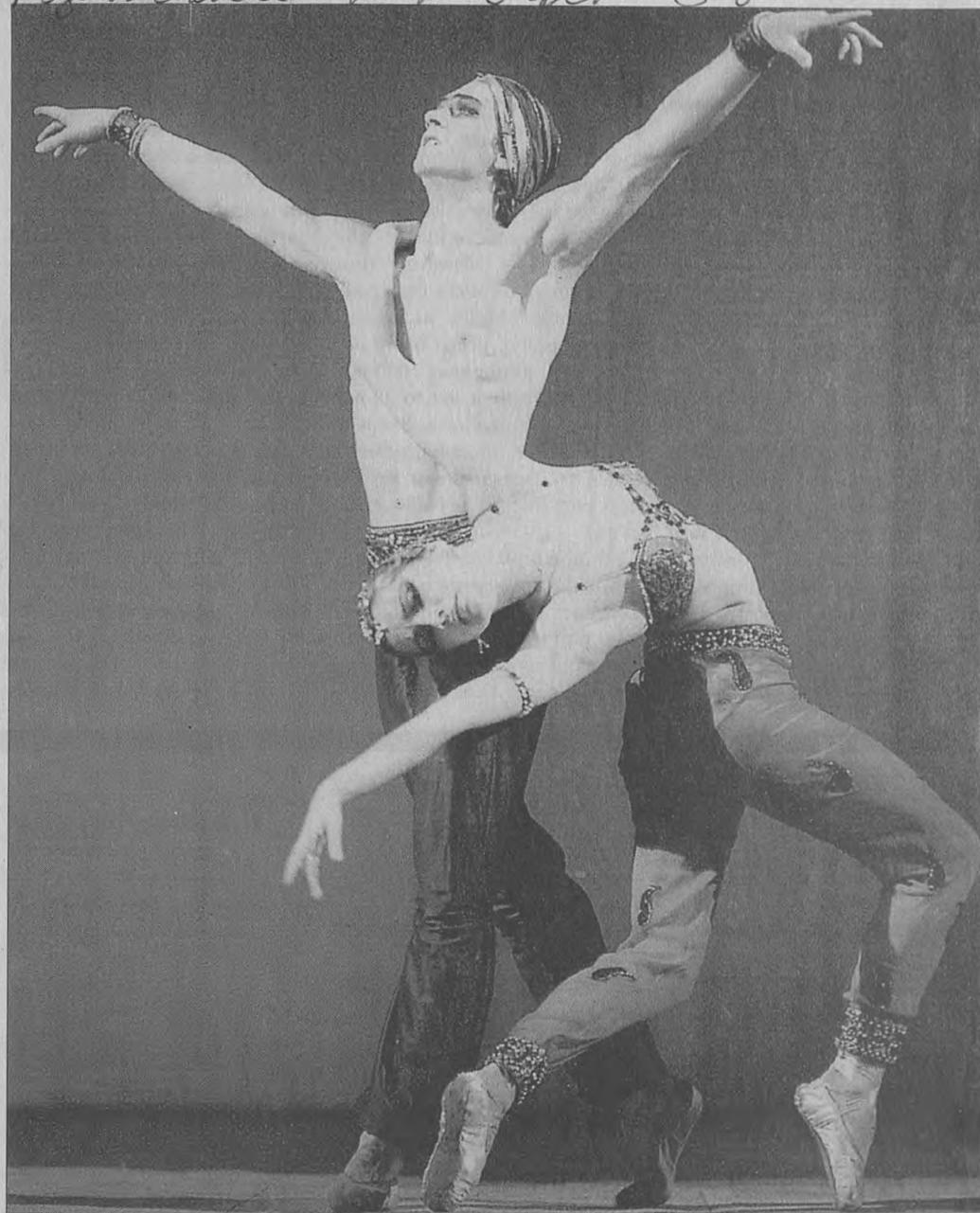
Мая Крылова

О нем есть книга архивных материалов, каталог выставки в Фонде культуры, монографии о его балетах. Ему посвящена научная конференция. Единственное, чего нет, это хореографии Касьяна Голейзовского на сцене. Девять десятых им созданного не сохранилось вообще.

Впрочем, идет его цыганская пляска в «Дон Кихоте» Большого театра. Этот танец вполне можно считать символом жизни Голейзовского: кочевым было его творчество, беспокойным – характер. Из всех балетмейстеров, пришедших в русский балет накануне 1917 года, он меньше других мог прижиться в пролетарском государстве, хотя искренне желал этого, даже ставил балет «Смерч» (подразумевалось – революционный). Для успешной советской карьеры Голейзовскому не хватало практической хватки и глубинной веры в социализм на балетной сцене. Да и откуда было взяться вере, если у молодого танцовщика Голейзовского был сборник стихов 1914 года с мистическим названием «Светогроздья», многолетний стаж работы в кабаре «Летучая мышь» и незаурядное дарование авангардного художника? И хотя в 20-е он призывал к революции в балете, громя «парфюмерные жесты» классики, эти мечты о новом театре не имели ничего общего с отанцованной системой Станиславского.

Всю жизнь его ругали больше, чем хвалили (наиболее престижная похвала – слова Джорджа Баланчина, считавшего себя учеником Голейзовского). Спектакли (самые известные – конструктивистский «Иосиф Прекрасный», пародийная «Голубица», концертный номер «Нарцисс», прокофьевские «Мимолетности») не раз обвиняли. Консерваторы – те, кого Ильф и Петров прозвали «саванорыла» – в акробатике, новаторстве и эротике, левые – в академизме, старомодности и

Независимая. 2002-6 фев с. 8.



Это сцена из балета «Лейли и Меджнун», которую в 60-е Голейзовский поставил в Большом театре.

эротике. Но прежде всего – в страшном грехе буржуазности.

Он очень любил Большой театр, уходил из него (вернее хореографа каждый раз «уходили»), возвращался... Пробуя себя, сотрудничал с Таировым и Мейерхольдом (молодая Бабанова танцевала его «Танец апашей»), ставил с Маяковским «Мистерию-буфф». В конце двадцатых, поняв все, рвался уе-

хать за границу, к Дягилеву. Но остался – в медленно, но верно сжимающемся кольце. Его не сажали и не травили публично, как Зошенко с Ахматовой. Ему просто перекрыли кислород. Сначала изгнание из театра, работа в мюзик-холле, потом провинциальные труппы, номера в ансамбле НКВД, постановка показушных декад национального искусства, танцы в фильме

«Весна» – и работа сторожем в магазине.

В 60-е Голейзовский получил признание, поставил балет «Лейли и Меджнун» в Большом, там же сделал «Скрябиняну». В старости увлекся деревянной скульптурой, домиком на Оке и собакой Шваброй, писал книги и мечтал о балете «Фавн» для обожаемого Владимира Васильева...